

www.ptushki.org | www.birdwatch.by

Птушкі і Мы

№ 23(2), 2013

разам для птушак і людзей

4-6 ПОГЛЯД

Интервью с директором АПБ

А. Садоўская

25 ПТУШКА ГОДА

Наша зязюля

А. Кальчанка, Б. Кальчанка

Вялікі бугай *Botaurus stellaris*

Драч *Crex crex*

Слова рэдактара

Прывітанне, шаноўныя чытачы!

Рыхтуючы чарговы нумар часопіса, мы ўсе (я маю на ўвазе чальцоў рэдкалегіі) крыху хвалюемся – ці ўсё ў гэтым нумары добра, ці спадабаецца ён чытачам? Але калі вы ўсё ж чытаеце гэтыя радкі, то спадзяёмся, што папярэднія нумары вас, як мінімум, не расчаравалі. А калі вы ўвогуле сочыце за нашай «бібліяграфіяй» з самага пачатку, то думаецца, што звярнулі ўвагу і на перамены, якія адбываюцца з часопісам. Мы спадзяёмся, што ўсё ж адбываюцца, меркаваць вам – збоку, як вядома, бачна лепей. У першую чаргу, гэта, безумоўна, тэматыка: хаця, адпаведна назве, яна мусіць быць пра «птушак» і пра «нас», і ўвогуле гэтае патрабаванне мы стараемся выконваць, (прыярытэтны накірунак выдання – арніталагічныя артыкулы і фотаздымкі)... Тым не менш, птушкі – хоць і вельмі важны і прыкметны элемент любой экасістэмы, але ўсё ж не адзіны. Думаецца, што экалагічна адукаваным чытачам ПіМ-а не трэба тлумачыць аб важнасці і неабходнасці кожнай сістэматычнай групы жывёл і раслін альбо кожнага элементу асяроддзя ў гэтых самых экасістэмах. Мы ж лічым сваім абавязкам і надалей расказваць чытачам не толькі пра «птушак» і пра «нас», але і пра ўсё тое, што называецца дзікай прыродай Беларусі і не толькі.

Хутчэй за ўсё, звярнулі старажылы ўвагу і на пэўны кансерватызм аўтарскага калектыву ПіМ-а: людзі ўсе кампетэнтныя, у прыродаахоўных колах вядомыя і паважаныя, але... з году ў год адны і тыя ж! Адразу адмятаю магчымыя меркаванні аб дыскрымінацыі моладзі і ўзурпацыі ветэранамі інфармацыйнай прасторы ПіМ-а. Хутчэй, наадварот: менавіта моладзі, ці нават проста новых людзей са свежымі думкамі і меркаваннямі нам увесь час вельмі не хапае!!!

Таму ў чарговы раз звяртаюся да ўсіх з просьбай-прапановай – пішыце, здымайце, нясіце да нас. Калі прапанаваныя матэрыялы будуць адпавядаць фармату часопіса, мы іх абавязкова надрукуем! Рубрыкі «Нататкі натураліста», «Вынікі сезона», «Нам пішуць чытачы», «Здымае XXXXX» (тут можа быць ваша прозвішча) чакаюць сваіх аўтараў! (Матэрыялы можна накіроўваць непасрэдна на электронны адрас рэдакцыі: apb-publications@googlegroups.com).

Сяргей Зуёнак

Рэдакцыя прыносіць прабачэнні аўтару здымка ўдода Марэку Палюху за памылку, дапушчаную ў папярэднім нумары (стр.18) пры напісанні яго прзвішча і выконвае пажаданні аўтара, даючы спасылку на яго асабісты сайт: www.marekpaluch.pl

Змест

Вокладка: Рагаты жаўрук
Фота Дзмітрыя Якубовіча

№ 23(2), 2013
Выходзіць з 1999 г.
Перыядычнасць 2 разы на год
наклад 1000 ас.
Рэгістрацыйны №727 ад 12.09.2009 г.
Міністэрства інфармацыі Рэспублікі Беларусь
Наш адрас:
ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны»,
вул. Парніковая 11, пам. 104, 220114,
Мінск Беларусь
Тэл. (017) 263 01 30, Факс (017) 263 06 13
E-mail: info@ptushki.org
www.ptushki.org

Для карэспандэнцыі
а/с 306, Мінск, 220050, Беларусь

Дзейнасць ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны» падтрымліваецца Каралеўскім таварыствам аховы птушак (RSPB), партнёрам BirdLife International у Вялікабрытаніі.
ГА «Ахова птушак Бацькаўшчыны» з'яўляецца афіцыйным прадстаўніком BirdLife International у Беларусі.
Надрукавана ў друкарні УП «Данарыт».
Ліцэнзія ЛП № 02330/0494183 ад 03.04.2009.
Замова №

Интервью с Виктором Фенчуком, директором АПБ 2006-2013

По материалам сайта wildlife.by, печатается с сокращениями

Беседовала
Елена Садовская

Виктор Фенчук: «У АПБ есть огромный потенциал для дальнейшего роста»

В конце 2013 года с должности директора общественной организации «Ахова птушак Бацькаўшчыны» уходит Виктор Фенчук. На этом месте он проработал семь лет и стал вторым руководителем в истории АПБ. О приобретенном опыте и о своем видении дальнейшего развития организации он рассказал в беседе.

— Виктор, вспомните самые яркие события, которые произошли в АПБ за период вашего директорства? Чем по-настоящему гордитесь?

— За это время произошло много разных событий. Постепенно все, что делалось раньше, «замыливается». Но, наверное, я отметил бы две абсолютно противоположные по «весу» акции. Это волонтерские лагеря на Ельне, когда добровольцы поехали на крупнейшее верховое болото Беларуси, чтобы восстановить гидрорежим, и своими силами решили проблему. Причем за их действиями не стояло особых ресурсов. Главное — было большое желание помочь природе. Противопоставить волонтерским лагерям можно крупный проект по заболачиванию нарушенных торфяников, измерению парниковых газов и продвижение затем полученных результатов в рамках Киотского протокола. Он дал возможность на системном уровне обеспечивать финансирование работ по восстановлению болот. Обе эти инициативы мне особенно запомнились.

— А чем знаменателен нынешний год?

— Дело в том, что многие вещи, которые мы делаем по охране природы, растянуты во времени. Как, например, наша работа с хранителями Территорий, важных для птиц, или климатический проект, который мы завершили в этом году. В целом 2013-й запомнился не только практической деятельностью организации, но и информационно-просветительской. АПБ много участвовала в различных кампаниях, писала письма, апеллировала к чему-то. И эти вещи имели отклик и были заметны даже больше, чем какая-то практическая работа. Достаточно вспомнить акцию по сохранению мест обитания крапчатого суслика, или кампанию по защите болот. Здесь АПБ выступала как «watch dog» — «сторожевая собака», то есть стала структурой, которая обращает внимание государства на какие-то проблемы и сложности, призывая его реагировать и занимать определенную позицию к тем или иным, с нашей точки зрения, неправильностям. И надо сказать, что и такая деятельность, и практическая были для нас одинаково важны.

— В этой связи вы будете как-то корректировать стратегию АПБ на ближайшие годы?

— Основой деятельности «Аховы птушак» является Стратегический план, который пересматривается каждые 4 года. Сейчас как раз истекает период действия предыдущей стратегии и будет разрабатываться новая. Стратегический план АПБ основан на 5 элементах: сохранение видов, работа с местообитаниями, с территориями, важными для птиц (прежде всего, на европейском уровне), взаимодействие с людьми, продолжение их экологического образования и укрепление самой организации, развитие ее региональных отделений.

Новая стратегия будет строиться несколько иначе. «BirdLife International», партнером которой мы являемся, немного эволюционирует и делает более четкий посыл на сохранение природы, а не только птиц. В принципе, мы и раньше были организацией, которая занималась сохранением всего биоразнообразия. Но слоган наш всегда звучал, как: «Вместе для птиц и людей». В 2014 году он может поменяться на: «Вместе для природы и людей». Возможно, мы больше не будем позиционировать себя как «птичья» организация. Но это совсем не означает, что мы станем делать меньше проектов для птиц. Просто фокус нашего внимания расширится на всю природу.

— А разве такие вещи не предполагают замену названия организации?

— Теоретически может быть. Но пока так явно вопрос не стоит. Потому что и без этого хватает задач, которые надо решать. Хотя многие партнеры «BirdLife International» сталкиваются со сложностью, когда указание на птиц в названии влияет на то, как люди воспринимают организацию. Да мы и сами замечали, как белорусы на большинстве наших «нептичьих» мероприятий, например, на акциях по спасению лососей, спрашивают: а причем здесь птицы? Или так же недоумевали они по поводу реинтродукции медведя в Беловежской пуще. Не то, чтобы название как-то существенно ограничивало наши возможности, но узкое восприятие «Аховы птушак Бацькаўшчыны» как птичей организации не помогает нашей работе.

— Как получилось, что у АПБ на сегодня нет конкурентов? Почему вектор природоохраны так слабо развит в общественном движении Беларуси?

— Если в целом посмотреть на сектор отечественных общественных организаций, нельзя сказать, что он такой уж процветающий. Особенно, если сравнить с той же Польшей, где в одном воеводстве будет столько же НГО, сколько у нас по всей стране. Только организаций, которые занимаются охраной птиц на национальном уровне, таких как АПБ, там более 10. А еще есть и другие природоохранные, «нептичьи».

Сектор НГО может жить только тогда, когда есть ресурсы. А возможностей для их привлечения у нас гораздо меньше, чем в Евросоюзе, и правовое поле жестче. Чтобы организация могла успешно расти и развиваться, она не должна зависеть от проектов. Они, с одной стороны, дают ресурсы, но в то же время отвлекают на реализацию. В результате организация как ядро не прирастает. Успешные НГО на Западе развиваются как раз за счет членских взносов и других форм пожертвований — это их основной источник дохода. То есть устойчивость организации дают не проекты, а так называемое базовое финансирование, которое она может получать вне зависимости от того, есть у нее проект или нет.

Но в Беларуси пока сложно жить за счет членства: люди к этому не привыкли, да и механизмы взносов не отработаны. В результате организациям сложно развиваться, сложно переходить этап от любительского уровня к профессиональному, где люди имеют полноценную работу. Из-за этого страдает любой сегмент третьего сектора, не только экологический.

— Является ли признаком успешности НГО сумма привлеченных грантов по итогам года? В 2010-м она у АПБ была рекордная.

— Конечно, успех надо чем-то мерить. Чтобы понимать, насколько ты результативен в своих планах, какова твоя позиция среди других НГО. Бюджет организации есть отражение и ее силы, и эффективности. Тем более что деньги не так просто получить. Как, впрочем, и эффективно их потратить.

Но для общественных организаций не менее важны и другие мерила. Например, какую аудиторию организация охватывает своей деятельностью, сколько у нее членов или сторонников. Или как много людей работают в организации, сколько земли находится в управлении. В АПБ на постоянной основе трудятся 15 человек. В наличии 140 га земли на Туровском лугу. Всего в организации состоят около 3600 членов. А в Литве, например, чуть больше 1000 человек. Это число показывает, насколько организация сильна в работе с людьми, насколько граждане разделяют то, что она делает.

— Можете проследить тенденцию, когда в какие-то годы наблюдался наплыв новых членов?

— У АПБ последовательный рост числа приверженцев.

Одна из волонтерских плотин на Ельне. Фото Виктора Фенчука

Даже если и случается, что в один год взлет, то на следующий тут же спад. В итоге линия выравнивается и идет вверх. Во многом прирост людей зависит от того, кто является координатором членской программы. Как и везде, здесь не последнюю роль играет человеческий фактор. Все зависит от того, насколько эффективные методы взаимодействия с людьми сотрудник выберет, как сможет мотивировать их на вступление и насколько он последователен в выстраивании своих коммуникаций.

— То есть в АПБ приходят по зову души?

— Не знаю. Вот вы зачем пришли?

— Я – по зову.

— Спасибо! Но не думаю, что в этом вы уникальны. Большинство приходят в АПБ, потому что им близки какие-то вещи, которые мы делаем. Но в отличие от зарубежных стран, где люди, вступая в НГО, понимают, что таким образом они разделяют идеи организации и этого порой достаточно, в Беларуси опасаются, что членство может обременить их. Очень многие думают, что если они присоединились к АПБ, то обязательно должны что-то делать, куда-то ехать, кого-то спасать.

— Интересно, а как много в АПБ состоит чиновников из Минприроды? Может, имело бы

Торфоплощадка «Гричино-Старобинское» до повторного заболачиваня. Фото Александра Козулина

Торфоплощадка «Гричино-Старобинское» после заболачиваня. Фото Александра Козулина

смысл провести среди них масштабную подписную кампанию?

— Даже затрудняюсь ответить. Ведь люди в государственных органах осторожно ставятся к членству в независимых организациях. Статус госчиновника добавляет им осмотрительности. Конечно, по моему мнению, они должны быть членами как можно большего числа общественных организаций! Этим они подчеркнут, что разделяют ценности, которые НГО постулируют. А общественные организации по своему определению плохих целей преследовать не могут. Они преследуют те цели, которые направлены на благо общества. Но, если честно, может, это и наша недоработка: мы никогда не предлагали министру природных ресурсов вступить в АПБ. И кто знает, может, и с сохранением болот было бы меньше проблем, будь премьер-министр или президент членом АПБ.

— На ваш взгляд, как «Ахова птушак» должна развиваться дальше? Какой вы ее видите в будущем?

— Она должна развиваться и меняться. И в этом плане смена руководства — один из необходимых шагов. Потому что, как бы хорошо кто-то ни работал, перемены оздоравливают. Организация должна из этих изменений получать максимальную пользу. Хоть я и ухожу из АПБ, но остаюсь с ней связан: меня пригласило Франкфуртское зоологическое общество на должность, которая предполагает реализацию проектов в Беларуси. Мы будем их осуществлять совместно с АПБ и нацпарком «Беловежская пуща».

Конечно, я хочу, чтобы организация была крепкой, чтобы сохранилась какая-то преемственность в позициях, чтобы взаимодействие с людьми развивалось. Это очень важно для всей страны — чтобы белорусы понимали свое значение и занимали более активную гражданскую позицию в деле охраны окружающей среды. Ни «Ахова птушак Бацькаўшчыны», ни Минприроды не могут в одночасье решить все проблемы. В руках людей сконцентрировано гораздо больше возможностей.

Признаться, я мечтаю, чтобы АПБ стала крупнейшей и сильнейшей не только в Беларуси, словом, мегаприродоохранной организацией!

— Как в нынешних условиях НГО может стать сильнее?

— Сила складывается из ряда параметров: устойчивости, компетентности и прочего. Организация становится сильнее, когда все эти стороны гармонично развиваются. Очень важна финансовая устойчивость, понимание того, откуда НГО будет брать деньги на свое существование. Устойчивость штата — осознавать, откуда будут приходить люди. Найти компетентных сотрудников, вырастить свои кадры — это вообще одна из самых больших проблем, с которой мы постоянно сталкиваемся. Организация должна непрерывно повышать свой уровень. Она должна меняться, потому что устойчивость любой системы зависит от ее способности изменяться. Словом, АПБ во многом должна брать пример с птиц, с того, как устроены их популяции, как они развиваются и реагируют на вызовы природы. Ведь обычно в трудных условиях выживают наиболее пластичные виды.

— А что нужно сделать, чтобы голос АПБ был услышан на государственном уровне?

— Я думаю, что ее голос и так слышен. И, наверное, как раз потому, что мы стараемся проактивно взаимодействовать. В том числе — с Минприроды, с которым у нас подписан целый ряд соглашений. Могу сказать, что организация вышла на новый уровень ответственности при выстраивании диалога с властями.

Общественным организациям важно быть услышанными. Потому что процесс развития должен идти не только внутри сектора НГО, но и в органах государственного управления. А для этого нужно четче выражать свои позиции, как это было при кампании по сохранению болот. Должно происходить больше проактивного позитивного взаимодействия. Потому что даже о плохом лучше слышат тогда, когда есть опыт сотрудничества на хорошем.

Необходимо выстраивать более доверительные отношения, в которых партнеры готовы друг друга слышать. Соответственно, и сектору общественных организаций надо тоже научиться прислушиваться к министерству. Это очень важно, потому что оно тоже пытается что-то донести. Проблемы часто возникают потому, что иногда общественные активисты не видят в Минприроды союзника и думают, что оно не хочет охранять природу. Но это не так. Там сидят точно такие же, не менее мотивированные и не менее заинтересованные в конечном результате люди. Только каждый оперирует своей в сфере, и эта область дает возможности и одновременно накладывает ограничения.

Николай Черкас, кандидат биологических наук. Фото из архива автора

Известные и неизвестные страницы в истории БЕЛОВЕЖСКОЙ ПУЩИ

Начало в передыдущем номере

Часть 2

Красная армия всех сильней?

Еще одно ведомство, которое начало хозяйничать в Пуще, называлось Красной армией. Под ее охраной находилось дворцовое имущество, и им красноармейцы распоряжались не лучшим образом. Не были «обделены вниманием» и культурные ценности дворца, которые были переданы полякам в возмещение утрат, понесенных Красной Армией в 1919—1921 годах. Уж очень приглянулась царская посуда коменданту Беловежского дворца политруку Антонову. Воспользовавшись своим служебным положением, он решил присвоить ее и отправить в Москву. Расхищение имущества вызвало возмущение бывшего сотрудника дворца. Чтобы остановить незаконные действия политрука, ему пришлось обращаться с жалобами к высокопоставленным лицам. После докладной и письма, как указывал Жабко, за Антоновым приехали компетентные товарищи и обратно он в Беловежу уже не вернулся.

В начале марта 1940 года сотрудники НКВД провели аресты и отправили в районы Крайнего Севера и Казахстан руководящий состав лесничеств и их семьи. После таких событий местные жители стали сторониться исполняющего обязанности директора. На одной из встреч бывший директор национального парка Ян Ежи Карпинский посоветовал ему: «Ты еще молодой и тебе лучше покинуть Пущу: кто его знает, что может случиться…»

Звонки с просьбой прислать нового директора заканчивались лишь обещаниями. Наконец Жабко осознал, что жизнь его находится в опасности. Прихватив Золотую книгу посетителей, он под покровом ночи добрался до Гайновки, а оттуда уехал в Минск. Как раз к его приезду был решен вопрос о новом директоре. Им был назначен Павел Петрович Семашко. К этому времени он уже защитил кандидатскую диссертацию.

Новому директору пришлось бороться за сохранение заповедности Беловежской пущи. Военные всеми силами старались управлять и хозяйствовать в пуще, захватывали здания заповедника. На западной окраине пущи было начато строительство Беловежского укрепрайона. Непосредственно в Беловеже и Гайновке проходило формирование 208-й моторизованной дивизии 13-го механизированного корпуса 10-й армии Западного ОВО. Возле поселка Беловежа, под руководством Главного управления аэродромного строительства НКВД, был построен военно-полевой аэродром оперативного назначения. А в одном из безлюдных мест был создан авиационный полигон для бомбометания пикирующих бомбардировщиков АР-2.

Сложности с размещением толкали военнослужащих на крайние меры. В самой Беловежской пуще воинские части начали самовольно оборудовать стрельбища, проводить учебные стрельбы и незаконные рубки леса. Характерна телеграмма-«молния» директора заповедника П.П. Семашко в УЗЗ при Совнаркоме БССР: «Командир части 23/35 майор Бердинков самовольно по своему усмотрению проводит сооружение на территории дворцового парка. Поставил бойцов и никого не при-

знаёт. Прошу дать указание». В одном из актов о нарушениях, составленном сотрудниками заповедника в январе 1941 г., приведено объяснение командиров воинской части из Гайновки, которые, настаивая на своей правоте, заявили, что они рубят «государственный» лес, поскольку сами люди тоже «государственные».

Особый интерес к пущанской древесине проявляли и советские авиаконструкторы. В своих воспоминаниях авиаконструктор А.С. Яковлев отмечал, что Беловежская пуща рассматривалась как одно из сырьевых мест для авиационной промышленности СССР. Самолеты тех времен строились в основном из нового материала, так называемой «дельта-древесины»,

Карикатура из немецкого журнала «Wild und Hund» (1943 г.) на работу советских исследователей в Беловежской пуще

или проще говоря – фанеры. Для вывоза из пущи кряжей было начато строительство железнодорожной ветки со станции Оранчицы в Беловежу.

«Священная» война

В верхних эшелонах власти также продолжалась борьба за заповедность пущи. Как альтернативу рубкам было предложено развивать туризм. Материальная база, существующая в Беловежской пуще, позволяла организовывать туры по удивительному массиву и знакомить с его «визитной карточкой» – зубром. Но самые привлекательные здания были захвачены военными. Чтобы хоть как-то исправить ситуацию, президент АН БССР Горев и начальник УЗЗЗ при СНК Осадчий обратились с письмом «О передаче Военведу Дворца и Турбазы Беловежской пущи». В обращении к секретарю ЦК КП(б)Б Пономаренко и председателю СНК Киселеву они напоминали: «Беловежская пуща являлась и является в настоящее время по своему составу фауны и растительности одним из ценнейших мест Европы». В документе приводится любопытная статистика посещения леса во времена вхождения пущи в состав Польши: «За 1937 и 1938 годы посещаемость составляла 35520 туристов, в том числе 975 туристов 31 иностранного государства».

По мнению Горева и Осадчего, богатства заповедной территории при новой власти «будут привлекать несравнимо большее количество ученых и экскурсантов, чем это имело место в бывшей Польше». Но все это неосуществимо, если дворец и турбаза будут переданы военному ведомству, о чем, видимо, уже было решено в высоких партийных кабинетах: «На территории парка, кроме упомянутого выше дворца, расположены зоологический музей, биологическая лесная и метеорологическая станция... Передачей Беловежского дворца Военведу делается невозможным доступ сотрудников и экскурсантов к перечисленным научно-исследовательским учреждениям».

Не дожидаясь решения Пономаренко и Киселева, сотрудники заповедника под руководством начальника УЗЗЗ в спешном порядке начали подготавливать брошюру о Беловежской пуще и туристическую карту. Пройдя долгий путь согласований, они были изданы в 1941 году. Благодаря настойчивости сотрудников управления и директора заповедника, Пономаренко 27 июля 1940 года все же подписывает постановление ЦК КП(б)Б, которое обязывало «установить полную заповедность на всей территории Беловежской пущи – 129,2 тысячи га». Далее черным по белому предписывалось:

«2. Запретить на территории «Беловежская пуща»: а) рубку леса, за исключением санитарных рубок и рубок ухода за лесом; б) все виды охоты <...>.

3. Обязать Наркомлес БССР и Госплан при СНК БССР до 15 августа с.г. подготовить проект перемещения предприятий в другие места <...>.

6. Поручить президенту Академии наук БССР тов. Гореву до 5.VIII. с.г. командировать в заповедник «Беловежская пуща» научных работников для составления экспозиции и плана организации исторического музея в дворце».

Добавим, что слово в слово решение белорусского правительства копирует аналогичное постановление №1302 СНК СССР, подписанное Молотовым 20 июля 1940 года. Но в нем еще более конкретизировался вопрос о «перемещении <...> в другие места» Гайновского химического завода, Гайновского и Грудокского лесопильных заводов. Наркомлес СССР обязывался «к 1 ноября 1940 года произвести полную очистку мест рубок в заповеднике».

Казалось, битва за заповедность пущи была выиграна. Однако победа была временной. Новое сражение разгорелось из-за жалобы народного комиссара лесной промышленности Гайсина. Тот 19 декабря 1940 года ставил правительство перед фактом: «Для обеспечения сырьем Гайновского лесокомбината и Белостокского фанзавода, а также топливом гор. Белостока Наркомлес не располагает необходимым лесосечным фондом. <...> Наркомлес БССР просит вас обязать Управление заповедниками и зоопарками выделить на 1941 год указанное количество лесфонда по Беловежской пуще». Иначе станет промышленность, люди останутся без тепла.

В Беловежской пуще сложилось непростое положение: законодательно пуща была заповедной и находилась под управлением УЗЗЗ. На самом же деле в ней хозяйствовали лесопромышленники и военные. Директор заповедника и начальник УЗЗЗ сделали все, чтобы заповедник оправдывал свое название. Однако бюрократический механизм был запущен, и решение оставалось

Жители деревни Чвирки возле строящейся школы в день празднования 22 годовщины Октябрьской революции

за первым лицом республики – Пономаренко. Что же решил Пономаренко? Через всю первую страницу обращения Осадчего в защиту пущи он крупными буквами вывел резолюцию: «Тов. Осадчему. Не знаю, как нужно решить, но предупреждаю: если комбинат станет из-за отсутствия сырья (7 дней уже простоя), то будете привлечены к ответственности вы...»

Но на этой резолюции Пономаренко решил не останавливаться. 27 февраля 1941 года он направляет предложения самому Сталину: «а) отменить заповедность Беловежской пущи, разрешив Наркомлесу Белоруссии производить рубку леса до одного миллиона кубометров в год; б) сохранить заповедность в центральной даче, в месте расположения дворцов-музеев и питомников животных в размере 10 000 гектаров».

Любопытно, но в этот же день Политбюро народных Комиссаров СССР принимает положительное решение об отмене заповедности Беловежской пущи и сохранении заповедности на ограниченной территории в 10 000 га.

Почему была такая спешка и двойная игра руководства? Через годы стало известно: виной всему был секретный протокол от 28 сентября 1939 года, подписанный 10 января 1941 года наркомом иностранных дел СССР Молотовым и послом Германии в СССР В. Шуленбургом. За полгода до нападения Германии на СССР они договариваются о том, что за часть литовской территории, от притязаний на которую отказывается Германия, Советский Союз соглашается выплатить ей 7 500 000 золотых долларов, что равнялось 31 500 000 германских марок, причем 1/8 часть этой суммы – поставкой цветных металлов и леса.

Жернова политики завертелись настолько быстро, что советское руководство бросило в них и Беловежскую пущу. За это Пуща впоследствии назначила свою цену: в конце XX века она стала «кладбищем» Советского Союза.

Как ближайший к границам Германии лесной массив, Пущу начали вырубать с особой ожесточенностью. За короткое время в Беловежской пуще было организовано две школы фабрично-заводского обучения. Основной задачей учащихся этих школ было ежедневное выполнение норм по спиливанию деревьев. Акульи зубы «стахановских» пил (так прозвало местное население своеобразные по конструкции двуручные пилы) работали настолько интенсивно, что вывозить деревья рабочие уже не успевали. Для решения этой проблемы ввели огромные нормы вывозки древесины и обязали местных жителей их выполнять. Согласно архивным документам, ежедневно должны были выходить на работы 9600 человек и 9480 подвод с возчиками по Белостокской области, 990 рабочих и 760 подвод с возчиками по Брестской области. Напуганные недавними арестами, рабочие вывозили древесину на железнодорожные станции Гайновка и Черемха с особым старанием. На этих станциях формировались эшелоны, которые затем отправлялись в Германию. В трагический день начала войны на станции Черемха были сформированы два эшелона, груженые пущанской древесиной. Немцы уже начали бомбить воинские части, а поезд с пущанской древесиной, пропустив эшелон, груженый хромовыми кожами, направился в сторону немецкой границы...

Всего за период с сентября 1939 г. по июнь 1941 г. объем заготовленной в Пуще древесины составил, по данным польских исследователей, 1 миллион 500 тысяч кубических метров. По мнению белорусских исследователей, эта цифра выглядит несколько скромнее. Они оценивают, что советскими рабочими до войны всего заготовлено 669 800 куб.м., еще 570 600 куб.м. древесины с площади 2420 га. вырублено и вывезено немецкими оккупантами.

Истинные цифры объемов скрывались, да и факт проведения самих рубок не признавался советскими исследователями. Только в этом году научные сотрудники национального парка, проведя тщательный анализ лесоустроительных материалов, пришли к неутешительному выводу: в XX веке, в период с 1939 по 1941 гг. в Беловежской пуще проводились самые интенсивные рубки за всю историю столетия.

Интересно, через сколько лет всплывут истинные цифры объемов рубок, проводимых в Пуще в начале XXI века?

Куды ляцяць беларускія зязюлі?

Яўген Сліж

Зязюля з перадатчыкам. Фота з архіва АПБ

Адна з самых вядомых птушак у Беларусі – звычайная зязюля – у гэтым годзе стала аб'ектам міжнароднага навуковага даследавання. Навукоўцы з Вялікабрытаніі, Германіі і Беларусі пры дапамозе самых сучасных тэхнічных распрацовак спрабуюць высветліць, калі, куды і якімі шляхамі еўрапейскія зязюлі ляцяць на месцы зімовак і як вяртаюцца назад.

У траўні гэтага года ў наваколлі Турава міжнародный камандай, якая складалася са спецыялістаў з узгаданых краін, быў дадзены старт па спадарожнікаваму сачэнню за беларускімі зязюлямі. Для ўдзелу ў праекце было адлоўлена пяць птушак – з дапамогай адмысловых сетак, муляжа і прайгравання голаса зязюлі. На спіне кожнай зязюлі быў замацаваны спадарожнікавы перадатчык, на лапе – металічнае кальцо Беларускага цэнтра кальцавання, з птушак здымалі некаторыя памеры. Дадатковая вага цела пасля замацавання перадатчыкаў склала 5 грамаў, гэта каля 2-4% ад агульнай вагі зязюлі. Пасля ўсіх гэтых працэдур зязюлі былі адпушчаны на свабоду. Першыя ж атрыманыя дадзеныя засведчылі, што птушкі з перадатчыкамі адчуваюць сябе добра і застаюцца непадалёк ад тых месцаў, дзе былі злоўлены.

У ліпені на сайце АПБ з'явілася адмысловая старонка праекта (www.ptushki.org/cuckoo), дзе можна сачыць за нашымі птушкамі. Інфармацыя пра месцазнаходжанне кожнай зязюлі з'яўляецца адразу, як толькі спадарожнік атрымае і апрацуе сігнал ад перадатчыка.

Шляхі міграцыі беларускіх зязюляў да месцаў зімовак у паўднёвым паўшар'і ў Афрыцы

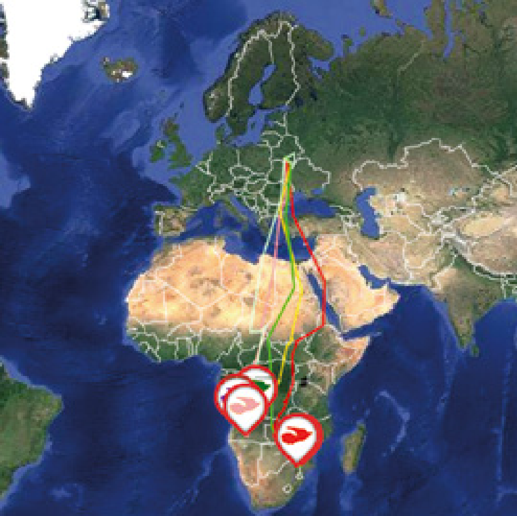
Усяго праз два месяцы знаходжання ў Беларусі нашы зязюлі пачалі паступова рухацца на поўдзень. Першым у доўгую і небяспечную вандроўку выправілася зязюля па мянушцы Павел. І адразу нечаканасць: замест таго, каб паляцець у Афрыку, птушка накіравалася на Аравійскі паўвостраў. Пасля непрацяглага знаходжання ў Саудаўскай Аравіі птушка перасекла Чырвонае мора і праз Эрытрэю дабралася да поўдня Судана. Тут Павел затрымаўся амаль на месяц і напрыканцы жніўня працягнуў сваю вандроўку на поўдзень. Гэтым разам, пераадолеўшы экватар, птушка дабралася да Замбіі, дзе зараз знаходзіцца ў Заходняй правінцыі, больш чым за 7500 км ад месца кальцавання ў ваколіцах Турава.

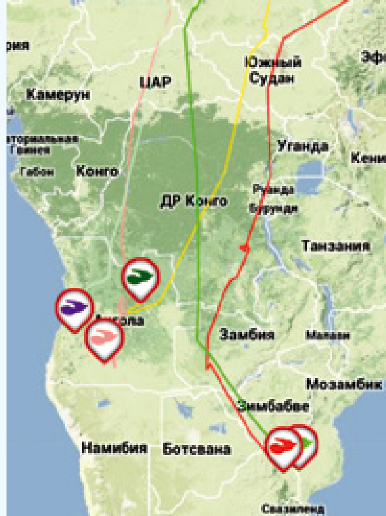
Цікавы шлях на поўдзень атрымаўся і ў зязюлі па мянушцы Віктар. Пакінуўшы Беларусь, Віктар накіраваўся ў Румынію, дзе больш за месяц правёў у густых лясах нацыянальнага парка Вялікі востраў Брэіле (Insula Mare a Brailei). Гэта акалічнасць прывяла да таго, што больш за два тыдні батарэя на перадатчыку зараджалася не цалкам і ён не мог перадаваць сігналы. Толькі пералёт Віктара на поўдзень перарваў доўгае радыёмаўчанне і перадаў ад птушкі новы сігнал. Вандроўка у Афрыку ў Віктара была адной з самых цяжкіх, бо, перасекшы Міжземнае мора, птушка напрасткі паляцела праз Сахару, прычым праз адну з самых спякотных і засушлівых яе частак на тэрыторыі Лівіі. Першы доўгі прыпынак птушка зрабіла ў гарыстай мясцовасці на ўсходзе Чада. Напрыканцы жніўня Віктар працягнуў сваю вандроўку на поўдзень і паспяхова дабраўся да Анголы, дзе знаходзіцца і па сённяшні дзень, на адлегласці больш за 7500 км ад Беларусі.

Сумны лёс напаткаў зязюлю па мянушцы Норберт: ужо некалькі месяцаў ад яе няма ніякіх сігналаў. Апошні быў прыняты 15 верасня і засведчыў, што птушка знаходзілася ў самым цэнтры Анголы. Што здарылася далей – невядома; магчыма, Норберт стаў ахвярай драпежніка ці загінуў ад знясілення па прычыне доўгага пералёту ад Беларусі да Анголы (7000 км). Свой палёт у Афрыку Норберт пачаў з лясоў Украіны, дзе трымаўся некаторы час пасля таго, як пакінуў Беларусь. Сахару птушка перасекла, прытрымліваючыся даліны Ніла. Перад апошнім пералётам над экватарыяльнымі лясамі, Норберт нейкі час адпачываў на поўдні Судана.

Далей за ўсіх зязюляў залящела птушка па мянушцы Юлія. Апошнія дадзеныя сведчаць, што

Перадатчык заснаваны на новай тэхналогіі. Фота © Microwave Telemetry Inc

Філ Аткінсан (справа) замацоўвае спадарожнікавы перадатчык на спіне беларускай зязюлі. Фота з архіва АПБ

Віктар Фянчук выпускае першую беларускую зязюлю са спадарожнікавым перадатчыкам. Фота з архіва АПБ

яна знаходзіцца ў Зімбабвэ больш чым у 8000 км ад Турава. Падобна да Норберта, Юлія перасекла Міжземнае мора каля дэльты Ніла і накіравалася ўздоўж яго ў глыбіню Афрыкі. Пасля гэтага пералёту птушка некалькі тыдняў правяла на паўднёвым захадзе Судана, адкуль рушыла далей у накірунку Замбіі. Пасля чарговага адпачынку птушка пралящела яшчэ 800 км і апынулася ў правінцыі Паўднёвы Матабелелэнд ў Зімбабвэ, непадалёк ад мяжы з Батсванай.

Апошнім Беларусь пакінуў Філ, праўда, перад гэтым ён зрабіў невялікую вандроўку ў некалькі соцень кіламетраў па Беларусі і зноў вярнуўся ў наваколле Турава. Зараз птушка знаходзіцца непадалёк ад узбярэжжа Атлантычнага акіяна ў Анголе, больш чым за 7000 км ад берагоў Прыпяці, адкуль яна пачала сваю вандроўку.

Усе беларускія зязюлі зараз знаходзяцца паўднёвей за 10-ю паралель паўднёвага паўшар'я, значна далей, чым брытанскія і нямецкія птушкі. Гэтая акалічнасць і тое, што нашы птушкі ляцелі сюды з непрацяглым адпачынкам у Судане і Чадзе, сведчаць аб тым, што стратэгія міграцыі беларускіх зязюляў адрозніваецца ад стратэгіі птушак з Заходняй Еўропы.

Наперадзе зіма, і будзе вельмі цікава даведацца, як нашы зязюлі яе правядуць: ці паляцяць яны яшчэ далей на поўдзень? А ўвесну нас чакае сапраўдны час адкрыццяў, бо ўпершыню мы зможам даведацца і прасачыць, як вяртаюцца зязюлі ў Беларусь. Сачыце за нашымі птушкамі разам з АПБ!

Віктар Фянчук, дырэктар АПБ:

За міграцыяй зязюляў сачу штодзень. Болей за тое, старонка з міграцыяй – гэта першае, куды я заходжу, уключыўшы кампутар з раніцы. Калі быў перыяд без сігналу, то заходзіў амаль штогадзіну, спадзеючыся на новы сігнал. Але мне цікавы не толькі Віктар – кожная з зязюляў мае свае асаблівасці, за якімі цікава сачыць. Гэта і звышхуткая міграцыя Паўла, і затрымка ў ваколіцах Турава Філа.

Філ Аткінсан, брытанскі даследчык зязюляў:

Брытанскія зязюлі звычайна ляцяць да аднаго і таго ж месца двума рознымі маршрутамі: ці праз Італію, ці праз Іспанію і Заходнюю Афрыку. Апошнія пралятаюць больш за 3000 км. Цікава, што беларускія зязюлі зімуюць паўднёвей, чым брытанскія птушкі.

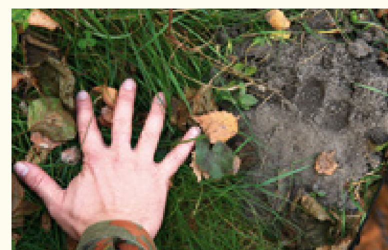
У ліпені-жніўні ў паўночнай частцы экватарыяльнай зоны, якая пачынаецца адразу за паўднёвай мяжой Сахары (зона Сахель), пануе сезон дажджоў. Таму, як толькі зязюлі перасякаюць пустыню, яны апынаюцца ў багатай на зеляніну саванне, дзе дастаткова ежы. Большая частка брытанскіх і нямецкіх зязюляў праводзяць у гэтай зоне каля 2-3 месяцаў, а потым, як толькі надвор'е становіцца больш сухім, птушкі пералятаюць на поўдзень.

Беларускія птушкі, на здзіўленне, не застаюцца ў Сахелі, а «пераскокваюць» праз лінію дажджу і трымаюць курс на поўдзень – да Анголы ці Замбіі. Сезон дажджоў прыйдзе сюды ў кастрычнікулістападзе, і гэтая тэрыторыя будзе заставацца зялёнай да канца зімы. Што робяць зязюлі ўвесну, нам невядома, але, па маіх здагадках, яны будуць рухацца на ўсход і накіруюцца на поўнач, каб спыніцца на Блізкім Усходзе перад вяртаннем у Беларусь. Брытанскія зязюлі, перад тым як паляцець дадому, «завітваюць» у Заходнюю Афрыку. Такім чынам, птушкі аднаго і таго ж віду мігруюць па-рознаму не толькі ў розных краінах, але нават і ў межах адной.

Калі атрымаецца здабыць фінансаванне, мы спадзяёмся ў 2014 годзе павесіць яшчэ 10 перадатчыкаў на беларускіх зязюляў.

Новы жыхар Налібоцкай пушчы

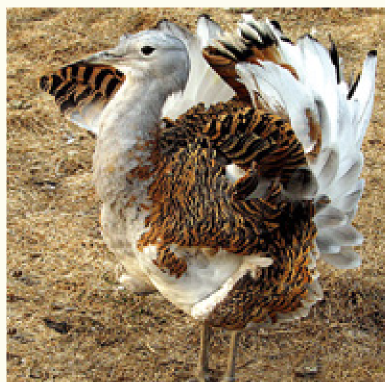

Літаральна ў некалькіх дзесятках кіламетраў ад Мінска, у Налібокскай пушчы прытуліўся невялічкі хутарок, які атрымаў з лёгкай рукі яго новага ўладара Івана Муліна назву «Нетры». Іван з'яўляецца вялікім аматарам прыроды і здаровага ладу жыцця, таму ён аднавіў на хутары поўны антураж сялянскай сядзібы XIX стагоддзя, прыстасаваўшы яго для пражывання невялікай кампаніі натуралістаў, фотапаляўнічых і проста аматараў вызваліцца ад гарадской мітусні. Аб гэтым аспекце хутарскога жыцця можна падрабязна даведацца на сайце www.debri.by.

З чытачамі ж нашага часопіса Іван ласкава згадзіўся падзяліцца навіной, якую смела можна адносіць да ліку заалагічных сенсацый палявога сезону 2013. Усталяваныя ў наваколлі хутара відэарэгістратары задакументавалі вельмі незвычайнага наведвальніка саланца, зробленага для капытных жывёл. Ім аказаўся самы буйны драпежнік Еўропы – буры мядзведзь, колькасць якога ў Беларусі не перавышае 100 асобін. Больш-менш рэгулярна мядзведзі адзначаюцца ў Бярэзінскім біясферным запаведніку і на поўначы Віцебскай вобласці на мяжы з Расійскай федэрацыяй. Афіцыйных звестак аб знаходжанні мядзведзя ў Налібокскай пушчы дагэтуль не было, хаця са слоў мясцовых старажылаў, у даваенныя гады гэты драпежнік сустракаўся ў пушчы даволі рэгулярна.

Джэк з-пад квактухі

Навукоўцы з Цэнтральнай лабараторыі ветэрынарных даследаванняў (Central Veterinary Research Laboratory (CVRL)) у Дубаі паспяхова дачакаліся вылуплення джэка, або дропа-красулі (*Chlamydotis undulata*), з яйка свойскай курыцы. Гэта можа быць вельмі шматабяцальным крокам да ўзнаўлення колькасці знікаючых відаў птушак.

Даследчыкі ўвялі аплодненыя яйцаклеткі (жаўток) джэка ў бялок унутры сурагатнага курынага яйка і тое ж самае зрабілі з яйкамі джэка (увялі аплоднены жаўток у сурагатныя яйкі джэка). Пасля змяшчэння яек у інкубатар і адпаведнай інкубацыі, з «курыных» яек вылупіліся 2 дропа, а з яек джэка – адзін, што склала адпаведна 7 і 5% ад усіх выкарыстаных у эксперыменце яек. Генетычны аналіз паказаў, што ў абодвух выпадках выкарыстання курыных яек атрымаліся генетычна чыстыя птушаняты джэка.

Нягледзячы на тое, што сама тэхналогія павінна быць удасканалена, эксперымент паказаў, што аплодненыя жаўткі рэдкіх відаў могуць паспяхова інкубавацца ў сурагатных яйках іншых відаў. Аднак першая задача, якая можа вырашацца ўжо цяпер, гэта выратаванне зародкаў з пашкоджаных яек і яек з недастаткова цвёрдым шкарлупіннем.

Джэк мае статус віда, якому пагражае знікненне. Яго колькасць рэзка зменшылася ў краінах Персідскага заліву з-за неабмежаваных паляванняў (мяса дропаў лічыцца тут афрадызіякам) і стратай месцапражыванняў.

Паводле сайта www.birdwatch.by, фота паводле www.technocredo.com

Куды зніклі чырванаваллёвыя казаркі?

Дзякуючы вялікаму праекту, які фінансуецца грашыма краін ЕС у рамах праграмы Life, балгарскія арнітолагі змаглі зрабіць самы маштабны адлоў чырванаваллёвых казарак *(Branta ruficollis)*. Частка з іх атрымала спадарожнікавыя перадатчыкі, якія могуць дапамагчы знайсці адказ на сапраўдны выклік для даследчыкаў.

За апошняе дзесяцігоддзе больш чым 50 тысяч гэтых невялікіх і прыгожых гусей знікла са сваіх ранейшых месцаў зімоўкі на ўзбярэжжах Чорнага мора ў Балгарыі, Румыніі і Украіне. Міжнародныя ўлікі з таго часу не адзначылі павелічэння колькасці гэтых птушак на зімоўцы, і засталося пытанне, на якое пакуль няма адказу: куды знікла большая частка сусветнай папуляцыі казарак? Птушкі маглі перамясціцца на невядомыя месцы зімоўкі ў паўднёва-заходняй Азіі або загінуць ад рукі паляўнічых, неспрыяльных зменаў на месцах міграцыі і гнездавання.

Перадатчыкі дазволяць адсочваць індывідуальныя перамяшчэнні птушак падчас іх падарожжа даўжынёй прыкладна ў 6 тысяч км на гнездавыя тэрыторыі ў расійскай тундры і наступныя шляхі міграцыі.

Аднак навукоўцы ацэньваюць свае шанцы на перааднаўленне зніклай папуляцыі песімістычна. Хаця існуе магчымасць, што ў сувязі са зменай клімату птушкі сталі зімаваць далей на ўсходзе, аднак надзея на гэта невялікая. Атрыманыя дзякуючы перадатчыкам дадзеныя аб перамяшчэннях птушак змогуць таксама дапамагчы ў ахове віда ў Еўропе.

Паводле www.birdwatch.by, здымак з сайта www.wwt.org.uk

Белая сініца і яе гібрыды ў Еўропе

Белая сініца *(Cyanistes (Parus)* cyanus) – пераважна азіяцкі від птушак. У Еўропе рэгулярна гняздуе толькі ў трох краінах: Беларусі, Расіі і Украіне (і нерэгулярна ў Фінляндыі), у адрозненне ад сіняй сініцы *(C. caeruleus)*, якая гняздуе практычна ва ўсёй Еўропе.

У Расіі гэта звычайны від птушак, менш шматлікі на захад ад Волгі. У Беларусі і Украіне белая сініца вядомая на гнездаванні толькі ў даліне ракі Прыпяць і яе прытокаў, прычым у нашай краіне памер папуляцыі ацэньваецца ў 500-800 пар, ва Украіне – у 10-15 пар.

Як адзін з найбольш жаданых аб'ектаў назіранняў еўрапейскіх бёдуочараў, белыя сініцы часам залятаюць на захад ад Беларусі. Да 2010 г. адзначана ўсяго 119 такіх выпадкаў, галоўным чынам у зімовыя месяцы ў Польшчы і Фінляндыі.

Гібрыды паміж белай і сіняй сініцамі *(C. cyanus x C. caeruleus)* – гэта параўнальна рэдкая з'ява, адзначаная толькі па-за межамі іх сталых арэалаў. Да 2011 г. у Еўропе былі адзначаны толькі 27 такіх гібрыдаў, а да канца 1970-х гадоў – толькі 6, уключна з самцом, які нарадзіўся ад змешанай пары ў Фінляндыі. У 2000-11 гг. назіраецца рэзкае павелічэнне адзначаных гібрыдаў: за гэты час вядома ажно 13 выпадкаў. Усяго гібрыды белай і сіняй сініц сустракаліся ў 12 краінах, большасць з іх назіралі ў Латвіі і Польшчы, якія знаходзяцца найбліжэй да заходняй мяжы арэалу белай сініцы.

Цікава, што суадносіны ў колькасці назіранняў паміж белымі сініцамі і іх гібрыдамі рэзка павялічыліся ў апошнія дзесяцігоддзі. Хутчэй за ўсё гэта звязана з лепшым вызначэннем птушак і іх гібрыдаў, а таксама павелічэннем колькасці бёдуочараў у Заходняй Еўропе і іх вялікай увагай да белай сініцы.

Паводле www.birdwatch.by, здымак Дзмітрыя Шыманчука

Падбор навін С. Зуёнак

ЗЯЗЮЛЯ ЗВЫЧАЙНАЯ – птушка 2014 года

Фота Дзмітрыя Якубовіча

Мерапрыемствы АПБ на 2014 год, у якіх мы запрашаем удзельнічаць:

- **1-31 студзеня** - Зімовыя ўлікі вадаплаваючых птушак
- **18-19 студзеня** - Акцыя «Птушкі на кармушцы»
- **25 студзеня** - З'езд АПБ у Мінску
- **усю вясну** - Агульнаеўрапейская кампанія «Жывая вясна»
- **1 красавіка** - Міжнародны дзень птушак
- **сярэдзіна красавіка** - Летнік «Начныя жыхары ляСОЎ»
- **травень-ліпень** - Улікі вяртлявай чаротаўкі
- **17-18 траўня** - Салаўіныя ночы
- **ліпень-жнівень** - Валанцёрскія летнікі на балоце Ельня
- **6 верасня** - Чэмпіянат по спартыўнай арніталогіі
- **4-5 кастрычніка** - Восеньскія дні назірання за птушкамі
- **пачатак лістапада** - Летнік «Начныя жыхары ляСОЎ»
- **лістапад-снежань** - Патруляванне ласасёвых рэк

Дроп, з надзеяй на вяртанне

Сяргей Зуёнак, Аляксей Цішачкін

Самец падчас такавання. Фота Сяргея Елісеева

Тут жывуць дропы. Фота Станіслава Хучраева (Саратаўская вобл.)

Яшчэ параўнальна нядаўна – сотню-другую гадоў назад – гэтая вялізная птушка сустракалася амаль па ўсёй зоне стэпаў, лесастэпаў і паўпустыняў Еўразіі і паўночна-ўсходняй Афрыкі. Гнездавы арэал яе прасягаўся шырокай разарванай паласой ад Пірэнейскай паўвыспы на захадзе праз паўднёва-ўсходнюю Еўропу і Каўказ да Малай Азіі і стэпаў Забайкалля, ахоплівала гэтая паласа таксама паўднёвую і цэнтральную частку Беларусі. Сучасная ж мапа распаўсюджвання дропа ўяўляе сабой фрагментарны набор плямін, супадаючых з рэштkамі яшчэ не знішчаных да канца натуральных адкрытых прастораў. Дарэчы, сустракаецца дроп і на сельскагаспадарчых землях, большай часткай на пасевах збожжавых культур, там, дзе яго не вельмі турбуюць. Паўсюдна, дзе толькі яшчэ можна сустрэць гэтую велічную птушку, яна належыць безумоўнай ахове, што ўсё ж дае ёй нейкую надзею на будучыню, але ўсіх праблемаў, на жаль, не вырашае.

Вялізны (дарослыя самцы могуць дасягаць вагі 12 кілаграмаў і маюць размах крылаў амаль два з паловай метры) дроп па ўсіх параметрах прыстасаваны да жыцця на зямлі. Адносна высокія моцныя ногі, якімі птушка па зразумелай прычыне карыстаецца значна ахвотней, чым крыламі; буравата-рудая з чорнымі страказінамі афарбоўка, ідэальна маскіруючая птушку на фоне зямлі і пажухлай травы; моцная кароткая дзюба, прыстасаваная да харчавання насеннем і раслiннасцю, – дзякуючы гэтаму набору рысаў дроп знешне вельмі нагадвае курыных птушак, хаця на самай справе адносіцца зусім да другога атрада – жураўлепадобных, дзе выдзяляецца ў асобнае сямейства драфіных. На еўрапейскім кантыненце сустракаюцца яшчэ два прадстаўніка гэтага сямейства – дроп-красуля, альбо джэк, і стрэпет, прычым апошні да нядаўняга часу таксама адзначаўся на тэрыторыі нашай краіны. Дарэчы, калі не судзіць занадта строга, полавы дымарфізм у дропа выяўляецца не столькі ў афарбоўцы, колькі ў памерах: самкі значна драбнейшыя за самцоў і важаць амаль удвая менш за іх. У гэтым плане дроп з'яўляецца своеасаблівым рэкардсменам сярод птушак.

Як і іх бліжэйшыя сваякі – жураўлі – дропы вельмі асцярожныя. На небяспеку яны рэагуюць за некалькі соцень метраў, таму наблізіцца да птушак на адлегласць, скажам, трапнага стрэлу амаль немагчыма. Больш даверліва адносяцца дропы да сельгастэхнікі, падпускаючы яе на больш-менш кароткую адлегласць. Менавіта гэтую асаблівасць і выкарыстоўваюць часам браканьеры пры паляванні на гэтых знікаючых птушак. Браканьерская здабыча, безумоўна, аказвае свой адмоўны ўплыў на стан папуляцый дропаў, але, усё ж, галоўнай прычынай паўсюднага знікнення гэтага віда, як, дарэчы, і многіх-многіх іншых, з'яўляецца знішчэнне натуральных месцаў іх пражывання.

Вялікая асцярожнасць дропаў, з аднаго боку, павялічвае шансы на выжыванне віду, а з другога – рэзка зніжае выбар стасоўных для пражывання месцаў, паколькі селіцца гэтая птушка толькі ў мясцінах, якія рэдка наведваюцца чалавекам, а такіх з кожным годам застаецца ўсё менш і менш. Стратэгія паводзін самкі падчас наседжвання таксама «не на руку» віду. Да апошняга спадзеючыся на сваю маскіровачную афарбоўку, самка дропа настолькі шчыльна сядзіць на гняздзе, што на яе можна амаль наступіць нагой. Але, усё ж пакінуўшы гняздо пры небяспецы, вяртаецца да яго самка з крайняй неахвотай, а то і не вяртаецца зусім.

Сучасныя памеры глабальнай папуляцыі дропа ацэньваюцца ў 43500-51200 асобін (улікі звычайна праводзяцца на зімоўках, у гэтым выпадку падлічваюцца не пары, як пры ўліках большасці

З такой уразлівасцю дропавых гнёздаў звязаны адзін вельмі павучальны выпадак. Збіраючы ілюстрацыі для артыкула, рэдакцыя паміж іншым замовіла ў расійскіх калег здымак гнязда дропа. У шэрагу з цудоўнымі здымкамі саміх птушак мы атрымалі фота гнязда жураўля-красулі з каментарыямі, што гняздо і яйкі дропа выглядаюць амаль так жа, вось толькі бруду ў гняздзе няма. А вось наблізіцца да гнязда дропа нават на кароткі час з навуковымі мэтамі арнітолагі не рашаюцца, каб не падвяргаць гняздо рызыцы быць кінутым альбо загубленым драпежнікамі.

Самец дропа. Фота Станіслава Хучраева (Саратаўская вобл.)

птушак падчас гнездавання, а менавіта асобіны). У апошнія дзесяцігоддзі гэтая колькасць застаецца больш-менш пастаяннай, у першую чаргу дзякуючы стабільнасці і нават росту іберыйскай папуляцыі (каля 60% сусветнай папуляцыі дрофаў сканцэнтравана ў Іспаніі). Невялікія папуляцыі ў Германіі, Венгрыі і Аўстрыі ў апошні час таксама крыху павялічваюцца, у асноўным дзякуючы добра наладжанай ахове.

Значна горшая сітуацыя склалася ў іншых еўрапейскіх краінах, дзе сустракаўся дроп, – у канцы мінулага стагоддзя (1990-я гады) канчаткова зніклі апошнія невялікія папуляцыі ў Балгарыі, Румыніі, Польшы, Малдове і Чэхіі. Крыху лепей на гэтым фоне выглядае Украіна, чыя папуляцыя ацэньваецца ў 500-850 асобін, тым не меньш у Падоллі і Карпацкім рэгіёне адбылося лакальнае выміранне віду. Адзначаная дэградацыя, звязаная з інтэнсіўным асваеннем цалінных земляў, пачалася у 20-40-я гады мінулага стагоддзя і працягвалася да 1970-90-х гадоў, калі націск людзей на прыроду пачаў пакрысе змяншацца.

У Брытаніі дроп як гняздуючы від знік у 1832 годзе ў выніку знішчэння птушак паляўнічымі, антрапагеннай трансфармацыі біятопаў і пагаршэння клімату. Зараз брытанскімі навукоўцамі сумесна з расійскімі калегамі распрацоўваецца праект па рэінтрадукцыі расійскіх дропаў на раўніны Солсбэры, дзе на тэрыторыі вялізнага запаведніка і не меншага па памерах вайсковага палігона ў дадатак маюцца ўсе ўмовы для існавання гэтага віду. Сутнасць праекта заключаецца ў зборы яек расійскіх дропаў, якія па тым альбо іншым прычынам не маюць шансаў на выжыванне, іх далейшай штучнай інкубацыі і транспарціроўцы птушанят у Англію. Папярэднія разлікі паказалі, што, маючы каля 40 птушанят, на працягу 5-10 гадоў цалкам рэальна стварыць базавую папуляцыю ў 100 асобін. Тэорыя не вельмі разышлася з практыкай: праграма пачалася ў 2003 годзе, у 2007 мясцовыя птушкі пачалі такаваць і рабіць гнёзды, а яшчэ праз 2 гады былі адзначаны два першыя выпадкі паспяховага гнездавання.

У Беларусі яшчэ ў XIX стагоддзі дроп быў распаўсюджаны даволі шырока, маюцца звесткі аб яго знаходжанні ў 20-40-я гады ў

Калісьці такое было і ў нас... Фота Станіслава Хучраева (Саратаўская вобл.)

Самка дропа. Фота Сяргея Елісеева

наваколлі Гародні, Слоніма і Слуцка. У самым пачатку XX стагоддзя сяляне-паляўнічыя на Піншчыне добра ведалі дропа і яго назву, але від у гэты час ужо быў рэдкім. У 1920-я гады дроп згадваецца як рэдка гняздуючы від у Брэсцкім, Камянецкім, Пінскім, Рэчыцкім, Мазырскім, Нараўлянскім, Брагінскім і Добрушскім раёнах.

У самым пачатку чэрвеня 2009 года адбылася падзея, якая дала назву гэтаму артыкулу, а яго аўтарам – падставы спадзявацца на тое, што дроп ўсё ж не знік з тэрыторыі нашай краіны канчаткова, альбо пачаў зноў вяртацца да нас. Йенс Клінкер (Jens Klinker), нямецкі арнітолаг-аматар, едучы на цягніку, дзесьці ў наваколлі Бярозы заўважыў праз вакно птушку, якую ён адназначна ідэнтыфікаваў як дропа. І хаця гэтае паведамленне дагэтуль не атрымала афіцыйнага статуса, кваліфікацыя назіральніка і яго вопыт «зносін» з дропамі не даюць асаблівых падстаў не давяраць адэкватнасці вызначэння віду. Ну і акрамя таго, як кажуць, надзея заўжды памірае апошняй...

Самае позняе афіцыйна засведчанае гнездаванне адзначана ў 1929 годзе ў наваколлі вёскі Кузьмінічы на Добрушчыне. Літаральна праз два гады падчас экспедыцыі на Рэчыцкае Палессе прафесар А.В. Фядзюшын ужо не бачыў ніводнага дропа, але чуў ад мясцовых жыхароў, што гэтыя птушкі на Палессі яшчэ гняздуюцца, у прыватнасці ўзгадваліся назіранні вывадкаў у наваколлі вёсак Багушы і Хатучы Брагінскага раёна. У даследваннях М.С. Долбіка, якія ён праводзіў у 50-я гады мінулага стагоддзя, дроп ўжо не адзначаецца. Апошняя афіцыйна зарэгістраваная сустрэча з невялікай чародкай дропаў адбылася ў 1965 годзе на Брэстчыне...

Згодна дадзеных мэтра беларускай арніталогіі мінулага стагоддзя прафесара Фядзюшына, гнездаваліся нашы дропы на вялікіх пясчаных пустэчах, парослых рэдкімі невысокімі сасёнкамі, занядбаных палях і адкрытых прасторах з пясчанымі дзюнамі і рэдкімі зарасцямі ракітніка. Заходняя частка папуляцыі была аселай, цэнтральная і ўсходняя адвандроўвалі крыху на поўдзень, пакідаючы гнездавыя стацыі ў сярэдзіне кастрычніка і

Гняздо жураўля-красулі. Фота Станіслава Хучраева (Саратаўская вобл.)

з'яўляючыся зноў у першай палове траўня. Асноўнай прычынай знікнення беларускіх дропаў прафесар лічыў асваенне занядбаных палёў і пясчаных пустэчаў, а таксама паўсюдны выпас свойскай жывёлы. У сувязі з гэтым вельмі перспектыўнай ідэяй, якая нечакана з'явілася ў аўтараў падчас падрыхтоўкі гэтага артыкула, выглядае рэінтрадукцыя дропа на тэрыторыі Палескага радыяцыйна-экалагічнага запаведніка, у так званай «Зоне», дзе хапае і пясчаных пустэчаў, і занядбаных палёў, якія ніхто не асвойвае і нават не выпасае там жывёлу, а самае галоўнае – там цалкам адсутнічае антрапагенны прэсінг. Справа, як заўжды, за малым: патрэбен ініцыятар-энтузіяст і мецэнат, згодны ўкласці сродкі ў такі неперспектыўны па сучасных паняццях бізнэс – захаванне рэдкіх і знікаючых відаў.

Ельнянские гагары

Валерий Коваленок, Шарковщина. Фото автора

В северной части Беларуси расположено одно из красивейших верховых болот Ельня. Мне очень повезло в этой жизни. Я родился и вырос возле этого прекрасного места. Все детство и лучшие годы провел в лесу и возле болота. Красота и уникальность этого уголка природы стали моей отправной точкой. Так вышло, что я не стал ученым, но всю свою сознательную жизнь посвятил Ельне. Исходив ее вдоль и поперек, сейчас я знаю ее досконально. Увлекшись фотоохотой, стал еще чаще посещать болото и охотиться за интересными моментами из жизни его обитателей. Птицы, наверное, одни из самых удивительных созданий природы. Большие и маленькие, пестрые и невзрачные, редкие и обычные. Все они встречаются на болоте. Чернозобая гагара – одна из редких водоплавающих птиц, гнездящихся на болоте Ельня. Ввиду своей скрытности, осторожности и малочисленности эта занесенная в Красную книгу Беларуси птица редко попадается на глаза. Большая, с густым оперением, с узкими короткими крыльями, достигающими, тем не менее, в размахе более метра, гагара окрашена довольно пестро. Верх тела черный; на передней части спины и плечах белые четырехугольные пятна, которые создают шахматный рисунок. Голова и шея пепельно-серые. Горло черное с металлическим отливом. Низ белый. Ну чем не фотомодель?!

Уже много лет подряд я наблюдаю за гагарами, и каждый раз снять их хорошо как-то не получалось. Неоднократно находя весной гнездо на одном из озер, все боялся потревожить птиц. Каждый раз старался побыстрее покинуть гнездовой участок, а когда появлялись птенцы, то взрослые гагары уводили молодняк на другой берег или держались середины озера. Вот так и расходились наши пути, но, видно, птицы привыкли постоянно видеть меня, и вот в этом году они, словно пожалев незадачливого натуралиста, преподнесли мне подарок, и даже не один, а целых два. Весной, делая очередной обход болота, решил я посетить группу озер, где располагалась колония чаек. Увлекшись съемкой этих беспокойных птиц, краем уха неожиданно услышал свист крыльев и всплеск воды. Судя по всплеску, «приводнился» кто-то немелкий. Быстро надеваю маскировочный халат и крадучись иду в направлении всплеска. Прячась за низенькие сосенки, внимательно осматриваю водную гладь. Ага, вот промелькнула голова, еще пару шагов – и я увидел... гагару. Красивая птица грациозно плавала вдоль берега, и что-то ее явно волновало. Стоя по колено в воде, я начал искать глазами место посуше. Повернув голову влево, неожиданно для себя замечаю еще одну птицу. Расстояние для съемки большое, решаю тихонько обойти гагар с другой стороны озера. К сожалению, обойти не получается: зыбучий берег и вода преградили путь. Подумав, решаю вернутся назад и как можно более скрытно подойти к птицам, а пока можно и чаю попить, дать гагарам успокоиться.

Полчаса прошло незаметно. Закончив с чаепитием, собираюсь выполнять свой план. Поправляю камуфляж и проверяю боеготовность фотоаппарата. Медленно, шаг за шагом, пригнувшись, где на корточках, а где «гусиным шагом», передвигаюсь в направлении, где видел гагар. Меня спасают небольшие сосенки, которые растут на пути и скрывают мое передвижение. С каждым шагом волнение нарастает. На самом берегу замечаю две пышные сосенки, растущие близко друг от друга и образующие густой куст. Это идеальное укрытие, позволя-

ющее наблюдать за птицами. Стараясь не шуметь, обламываю нижние суки и прячусь в небольшом проеме между деревьями. Минут пять сижу тихонько, словно мышь, и только потом начинаю осматривать водоем. Вон одна гагара плавает вдоль берега, ага, а вот и вторая. Обе птицы находятся недалеко друг от друга. Сейчас самое время наблюдать и ждать подходящего момента. В ожидании проходит пару часов, за это время птицы то приближались, то удалялись от меня. Время от времени они ныряли и подолгу, минуты по полторы-две, находились под водой, всплывая в самом неожиданном месте. В какой-то момент я потерял из виду одну птицу, и вдруг она вынырнула прямо перед моим укрытием. Это мгновение длилось для меня целую вечность. От неожиданности мы оба застыли в оцепенении. Гагара смотрит на меня, я – на нее. Рука медленно тянется к кнопке затвора, но вот птица встрепенулась и начала медленно отплывать. Еще несколько секунд – и она нырнула. Хотя я и успел нажать на спуск, но гагара в фокус не попала.

Думать и мечтать о повторе нет смысла. Тем не менее, продолжаю наблюдение и оказываюсь вознагражденным. Обе птицы отплыли в самый дальний угол озерка, поочередно стали разгоняться, бежать по воде и уже возле противоположного берега резко тормозить. Только после третьего или четвертого «забега» я понял, в чем дело. Поскольку птица крупная, ей, чтобы взлететь, нужен разгон, а озерко маленькое, вот гагары и меряли длину «взлетной полосы». Такое я наблюдал впервые. Уже дома из справочника я узнал, что для взлета гагарам нужно 15-20 метров. После «примерки» птицы немного отдохнули, и вот он самый неповторимый момент – взлет. Гагары начали синхронный разгон. Словно глиссеры, опираясь о поверхность воды и взмахивая крыльями, они бегут по озеру. Еще пара секунд – и обе птицы в воздухе. Рассекая его крыльями, они со свистом пронеслись мимо меня и улетели на большое озеро. Долго еще я сидел в оцепенении и снова и снова прокручивал в мыслях увиденное, а только потом просмотрел на мониторе камеры снятые кадры.

История с гагарами на этом не закончилась. Примерно через два месяца, возвращаясь с болота домой, решил умыться и отдохнуть на озере Валозе. Озеро входит в болотный массив Ельня, но находится на самом его краю и расположено в непосредственной близости от деревни Буды. Погода солнечная, на озере много отдыхающих. Кругом шум и гам. Я решил немного отдалиться от людей и прошел берегом в сторону леса. Прежде чем окунуться в воду, по привычке решил осмотреть озеро через телеобъектив – и чуть не выронил из рук фотоаппарат от удивления. На дальнем берегу вдоль желтых кубышек плавают гагары, и не одна, а целых три. Семья! Вот папа, мама и уже подросший птенец. Вот это круто! Уму непостижимо, как они здесь оказались, ведь кругом людно и шумно. Решив не упускать этот шанс, расстегиваю молнию на сумке. Торопливо надеваю своего «лешего» и быстрым шагом иду вдоль берега к птицам.

Пока гагары далеко, можно идти баз опасения быть замеченным, но с каждым шагом нужно проявлять все большую осторожность. Прекрасно зная озеро и зная, где плавают птицы, большую половину пути прохожу быстро. Все, дальше

Фото: С. Зуенок

Справа малодая птица

нужно действовать как можно тише. Шаг за шагом продвигаюсь вперед. Все время приходится пробираться через заросли крушины и ивняка. Хотя под ногами и есть еле заметная тропинка, но она вся перерыта бобрами – того и гляди, провалишься в нору. В небольшом проеме между кустами просматриваю гладь озера – птиц не видно. Странно как-то получается. Впереди маленькая затока, вся надежда на нее. На корточках преодолев небольшой участок, снова выглядываю и осматриваюсь. Снова ничего. Ерунда какая-то.

Продвигаться дальше нет смысла: там открытый участок и спрятаться негде. Однако что-то внутри подсказывает, что торопиться не надо, стоит подождать. Притаившись в тени дерева, начинаю ждать, ведь птицы где-то рядом. Мое терпение вознаградилось: через некоторое время мимо меня вдоль самого берега не спеша проплыла вся семейка. Из-за густой травы мне видны только головы птиц. Снимать нет смысла, но и двигаться категорически нельзя. Вот гагары перестали плыть и, застыв на месте, начали внимательно осматривать водную гладь и берег озера. Спустя минуту птицы стали потихоньку отплывать от берега. Их явно что-то насторожило – может, мое сердце, которое бешено колотилось от волнения. Чуть приподнявшись над травой, начинаю снимать и уже заранее чувствую, что ничего хорошего из этого не выйдет. Солнце светит прямо в объектив, даже бленда не помогает. Опускаю камеру и смотрю гагарам вслед, вернее сказать, в хвост. А они переплывают на другую сторону затоки и начинают кормиться. В моей голове мелькает мысль: «А чем черт не шутит, когда Боженька спит!» Обхожу озеро с другой стороны и прячусь в густом тростнике. К моему удивлению, гагары понемногу приближаются. Рыбак в лодке появился на озере, вот птицы и плывут в мою сторону. Когда гагара ныряет, то неизвестно, в каком месте она вынырнет. Вот и сейчас птицы ныряют, раз за разом выныривая все ближе ко мне. Очередное погружение – и непонятно, куда смотреть, а когда ныряют все птицы одновременно, то получается реальная нервотрепка. При небольшой волне трудно сразу заметить, где появилась голова гагары. На воде тело гагары практически полностью погружено, и только голова, словно перископ подводной лодки, покажется на несколько секунд глотнуть воздуха – и снова погружение. Но сегодня мне повезло больше. Ныряя, птицы появлялись на поверхности и некоторое время плавали, приводя свое оперение в порядок.

И вот оно свершилось! После очередного погружения одна из птиц вынырнула практически рядом со мной. На этот раз я был готов к съемке и начал «стрелять» раньше, чем птица меня заметила. Ошеломленная гагара услышала щелчки затвора и, еще не понимая, что происходит, начала отплывать к центру озера, а потом нырнула и через некоторое время появилась уже на другом берегу. Негромкий крик – и вот уже вся семья плавает вместе. Все, съемка окончена. Нет смысла гоняться за гагарами дальше. Сейчас самое время отдохнуть и привести свои мысли в порядок. На этот раз мне повезло, можно с уверенностью ставить очередной жирный плюс в списке фототрофеев.

В КРАЮ МАЛЕНЬКИХ «ЛЮДИ»

Юрий Емельянов (по материалам сайта BirdWatch.by). Фото автора

– Кто сюда другой придет? – спросил я его в свою очередь.
– Как кто? – удивился он. – Енот ходи, барсук или ворона; ворона нет – мышь ходи, мышь нет – муравей ходи. В тайге много разный люди есть.

В.К. Арсеньев, «Дерсу Узала»

Паук с добычей

Полесье всегда представлялось мне диким и таинственным краем. Краем, дух которого я впитал еще в детстве из любимой книги Янки Мавра «Полесские робинзоны». Краем бесконечных болот и непролазных джунглей, роскошных дубрав и пышных лугов, заросших стариц с темной водой и могучей реки. Краем, где по преданиям несколько тысяч лет назад плескалось обширное Море Геродота. Краем, сулившим самые невероятные и неожиданные встречи. Но я и предположить не мог, какого рода встреча оставит самое сильное впечатление. И что придется вспоминать не Янку Мавра, а Джонатана Свифта и его незабываемую повесть о путешествии Гулливера в страну Лилипутию.

С первых шагов Полесье оправдало свою славу царства воды. Прошедшие накануне дожди быстро превратили местность в подобие Амазонии. Легко представить, что тут делается во время весеннего половодья. Нередкие в прибрежных рощицах песчаные дюны с ракушечными вкраплениями заставляют уважительно поглядывать в сторону недалекой реки.

Вдоль тропы тянутся скошенные луга. Они здесь не сплошные, а больше похожи на осьминогов, запустивших свои длинные щупальца в любые мало-мальски сухие места между многочисленными старицами, болотцами, дубовыми рощицами и тальниковыми островками.

Сколько птиц вокруг!

Мелкие птахи облюбовали ивовые кусты, густо прошитые диким хмелем, и кроны деревьев. Серая мухоловка, пеночки, тростниковая овсянка, черноголовая славка, синицы, жулан – всех не перечислишь. Дополняет картину самка большого подорлика, внимательно наблюдающая за нами с высоты.

На заросших безлюдных старицах высматривают добычу большие белые цапли. Эти зоркие птицы чрезвычайно осторожны. Чуть высунешься – увидят за несколько сот метров и тут же взлетают. С шумом проносятся стаи уток.

А вот и река с необыкновенно красивой песчаной отмелью. От этого чудного места уходить уже и не хотелось. Расположились на высоком берегу возле зарослей душистой мяты. Будет чем чай облагородить!

Здесь тоже кипела жизнь. Пчелы, шмели, мухи-журчалки, – всем хватало сладкого нектара. Паукам тоже было нескучно – знай, лови себе добычу!

Вечерело. От костра тянуло непреодолимо вкусным запахом. Гречневая каша, приправленная тушенкой, с легким горьковатым привкусом дыма – восхитительное блюдо в походных условиях. Уютно устроившись возле огня, мы дружно забарабанили ложками.

Неподалеку появилась полевка и принялась мирно грызть какое-то растение, поглядывая в нашу сторону. Идиллия. Ничто не предвещало каких-либо проблем.

Похоже, мы ошибались. Скорее всего, полевка была подосланным лазутчиком. Через некоторое время она исчезла, и спустя несколько минут откуда-то из-под заготовленных для костра дров раздался залихватский свист. Тогда мы еще не поняли, что это был боевой клич «индейцев», выкопавших топор войны. Грызуны обнаружили на своей территории пришельцев с провиантом и созывали «войско».

На свою беду я наварил гороха для утренней рыбалки и беспечно оставил его в котелке на земле. Не прошло и получаса после того, как мы улеглись в палатке, как крышка котелка вдруг забренчала. Под покровом тьмы происходило что-то подозрительное и непонятное.

Соблазн велик

Проныра

Мыши осмелели

Я шикнул, раздался легкий топоток, и наступила тишина. Но ненадолго. Вскоре история повторилась. А затем каждые полчаса приходилось топать ногами и покрикивать, чтобы прогнать незваных гостей.

К середине ночи ситуация накалилась до предела. Неизвестные налетчики перестали пугаться и почти не обращали на мои шиканья внимания. А с другой стороны палатки в это время засопели неожиданно объявившиеся дикие кабаны. Они пришли на отмель полакомиться вкусными сочными кореньями. Кабаны вскоре откочевали дальше по берегу, а котелок опять забренчал. Тогда я не вытерпел и рявкнул что было мочи. Напугал я только местных рыбаков. Они ошеломленно замолчали, оборвав свою размеренную беседу где-то посреди реки. А котелок... опять забренчал.

С первыми лучами солнца я вылез из палатки, извлек фотоаппарат, и залег возле котелка с твердым намерением выяснить, кто же мешал нам спать.

И вот загадка раскрыта, и виновные уличены! Из травы выскочила полевая мышь (не путать с полевкой!), стала на задние лапки, опершись передними о котелок, и стала принюхиваться. Уловив источник столь вожделенного запаха, мышь обследовала котелок со всех сторон и сообразила, что лучше всего добраться наверх по ручке. Осталось только протиснуться под крышку и... Благоразумие подсказало ей, что обратно выбраться будет не так просто, и умное животное отказалось от соблазна. Вот тут-то и раздался до боли знакомый лязг!

Пришлось вешать котелок на дерево. Оказалось, что голодными грызунами кишит вся местность. Трава вокруг ходила ходуном. Мы поняли, что попали в длительную осаду. Нужно было готовиться к другим активным действиям «неприятеля». И они не заставили себя ждать.

Ближе к обеду мыши теряли активность и пропадали. Наверное, отсыпались в своих норах. Это притупило нашу бдительность. Разложили на траве небольшие сухарики из черного хлеба, щедро намазав их чесноком, и начали разливать душистую уху. Может быть, именно сильный запах чеснока и сыграл злую шутку.

Неожиданно из пучка травы рядом с сухариками тихонько высунулась усатая мордочка с хитрющими глазенками. Не успели мы опомниться, как зверек схватил самый большой сухарь и бросился наутек. Сухарь цеплялся за траву, мышь смешно спотыкалась, но добычу не бросила. А вместо нее уже готовилась к покушению ее напарница.

Пришлось срочно спасать наш обед. Пока мы возились с сухарями, сзади послышался тихий шорох: еще один «абориген» скрытно подбирался к запасам гречки. Третья группа нападающих обнаружила под ивой закрытую коробочку с вареной кашей, оставленной для прикорма. Их вожак, словно заправский штангист, пытался ее перевернуть кверху дном передними лапками, стоя на задних. Похоже, что у мышей созрел хитроумный план захвата провианта, и они вели наступление сразу по нескольким направлениям, как заправские вояки.

Молодой лис

Спать мы ложились с опаской, прислушиваясь к каждому шороху. На удивление, ночь прошла относительно спокойно. Мыши миролюбиво сновали снаружи по периметру палатки. Правда, немного беспокоил какой-то скрежет, но мы полагали, что это к нам отношения не имеет.

Напрасно. Утром оказалось, что снаружи осталась забытая упаковка тушенки (в пакете из-под кефира). Мыши ее обнаружили и прогрызли в дне дырку, но до содержимого добраться не успели. Зато успели превратить в труху кусок бумаги, в которую раньше было завернуто сало.

Мы всерьез стали опасаться за наши припасы. Возникла угроза прямого вторжения в палатку. Мыши пока еще не ломились внутрь, но дело к тому шло. Выгрызть в ней дыру – минутное дело для таких мастеров. И тут меня осенило. Я вспомнил рассказ Константина Паустовского «Кот-ворюга». Там проблема с вечно голодным и прожорливым котом была решена очень просто: его накормили до отвала.

Сказано – сделано. На полянку среди травы положили гречку и вареный горох. Тут же и я с фотоаппаратом примостился. Мыши вначале опа-

Полевка

Угощение для друга

Милашка

сались объектива, напоминавшего око хищника, но быстро осмелели.

Было очень интересно наблюдать за ними лежа. В редкой траве хорошо просматривались все перемещения наших «бурундуков». Так мы их назвали из-за темной полосы вдоль спины – очень уж они напоминали своим видом сибирских жителей. Кстати, эта резко выделяющаяся на рыжевато-буром фоне полоска отличает полевую мышь от других родственных видов. Горло, грудь и брюшко у них серо-белое, а хвост практически равен длине тела. Единственное животное, имеющее такую же полосу на спине – мышовка лесная, но она живет в лесу, и хвост у нее на треть длиннее тела.

Пробираясь к полянке с противоположных сторон, грызуны часто пугали друг друга шорохом травы и испуганно юркали обратно. Возле кормушки нередко собиралось до трехчетырех особей, но особенных симпатий друг к другу они не выказывали. Правда, до драки дело не доходило – ограничивались угрожающими выпадами головой. Иногда появлялись и полевки.

Дело пошло на лад. На ночь я наваривал гороха. К утру он исчезал, а мыши, наевшись, притихли, и днем почти не показывались.

Такое изобилие грызунов не могло не привлечь хищников. Поэтому неудивительно было наткнуться вскоре на молодую лису. Наша встреча на тропе была неожиданной для обеих сторон, но меня она заметила все же гораздо позже. А уж когда заметила – задала стрекача, завернув уши назад. Это чтобы слышать, не настигает ли сзади враг.

Самые доверительные отношения у меня установились с полевкой. Она жила на высоком обрыве, где я ловил рыбу. В отличие от суетливых мышей, она вела себя совершенно спокойно и сразу признала во мне друга. Хвостик у нее был совсем маленький, не более четверти длины тела – как и положено у полевок. Мордочка округлая, не такая вытянутая, как у мышей, с маленькими ушами, спрятанными в шерсти. Окраска серовато-бурая с рыжинкой, равномерная по всему телу.

Когда я приходил ранним утром или даже днем, то сразу ставил перед собой коробочку с горохом – угощение для моего друга. Она тут же прибегала на шум, выбирала горошину побольше, усаживалась поудобней рядышком и принималась за еду.

Ела она совсем как человек. Откусывала по кусочку и быстренько-быстренько жевала. Желтая горошина в ее маленьких лапках с миниатюрными пальчиками выглядела как апельсин.

Не опасаясь, брала горох у меня прямо с руки.

Насытившись – интересовалась объективом.

Чуть позже к полевке присоединилась мышь. За еду они не спорили. Просто никогда не выходили вместе к кормушке. Вернее, не выходила полевка. Если мышь ела, то полевка только шевелила усами, выглядывая из своего лаза.

Мышь вела себя иногда не слишком вежливо. Не церемонясь, спиной отталкивала объектив фотоаппарата и протискивалась к кормушке под ним.

Я не удержался от заключительного эксперимента на сообразительность. Подвесил бублик на веревочке на небольшой высоте от земли и наблюдал, что будет. Мыши оправдали мои надежды. Они посчитали ниже своего достоинства грызть бублик, стоя на задних лапках. Одна из них ловко подтянулась, как гимнаст на кольцах, и перегрызла веревочку. И с победоносным видом помчалась в траву с добычей.

А вот я оказался не столь сообразительным и не взял с собой запасных аккумуляторов к фотоаппарату. О чем весьма сожалею. У маленького, но изобретательного народца еще много секретов осталось. Не зря же ведь Дерсу Узала называл их «люди» и относился как к равным.

Интересненькая вещица

Наша зязюля

Алег Кальчанка, Багдан Кальчанка, Кобрын

У верасні 2011 года сябры, вярнуўшыся з Чэмпіянату па спартыўнай арніталогіі, прывезлі мне… зязюлю. Птушку ім нехта даў у Мінску, яна чамусьці не магла лётаць. Крылы, галоўны птушыны «струмант», у добрым стане, ніякіх пашкоджанняў. Усё астатняе – таксама. Вось толькі нейкая яна змарнелая, больш касцей, чым мяса. Ну нічога, – вырашылі мы, – адкормім!

І наша Зязюля пасялілася ў вялікую клетку, дзе некалі жыў Папугай. Птушка адчувала сябе добра, на людзей увагу амаль не звяртала, тым больш што клетка стаяла на балконе, а там людская мітусня значна меншая, чым у пакоі. Са з'яўленнем у нашай сям'і Зязюлі адразу ж паўстала і пытанне сапраўднай «зязюлячай» ежы. Вядома, што птушкі гэтыя харчуюцца ўсялякай бесхрыбетнай драбязой: насякомыя, смаўжы ды іншая жамяра падобнага кшталту. Лягчэй за ўсё было здабыць конікаў: выйшаў да рачулкі і лаві сабе на здароўе! Але ў хуткім часе нам сталі вядомыя і сапраўдныя гастранамічныя прыхільнасці нашай выхаванкі: больш за ўсё на свеце Зязюля любіла есці дажджавых чарвякоў! Калі яна бачыла гэтыя дэлікатэсы, то ўваходзіла ў такі шал, што не звяртала на нас ужо аніякай увагі.

Разам з Зязюляй мы атрымалі і магчымасць адказу на пытанне, якое хвалявала нас вельмі даўно: а ці праўда, што зязюлі ядуць валасатых вусеняў? Знайсці вусеняў было справай тэхнікі – і вось настаў доўгачаканы момант ісціны. І што ж вы сабе думаеце? Дзяўбе, толькі давай! Зязюля спрытна хапае ахвяру дзюбай і пачынае заўзята калаціць яе аб жэрдку! А потым, калі няшчасны вусень застаецца амаль «голым», птушка спрытна яго праглынае. Усё геніяльнае проста! Толькі вадзіцай трэба запіць, але ж гэта і ў нас, у людзей, водзіцца.

Хутка Зязюля стала браць ежу з рук. Але ў нашы планы зусім не ўваходзіла зрабіць яе хатняй птушкай. Галоўнае – падкарміць, паставіць на крыло і адпусціць. Неўзабаве настаў час правесці першы палёт. Пакуль што па кватэры. Мы вынеслі птушку ў вялікі пакой і адпусцілі. Дакладней, яна сама зляцела з рукі. Праляцела крыху і села на дзверы. Потым, крыху асмялеўшы, стала ўпэўнена лётаць па кватэры. Але для доўгага палёту ў выраій Зязюля была яшчэ пэўна не гатова: трошкі не хапала ёй тлушчу, і мы з новымі сіламі ўзяліся ліквідаваць гэты прабел.

Прайшоў яшчэ нейкі час, на працягу яго Зязюля старанна ела і набіралася сіл. Неяк непрыкметна яна ператварылася ў Зусім Дарослую Зязюлю. Яно і не дзіўна – у птушак гэта ўвогуле хутка адбываецца, а тут яшчэ такая кармёжка! Неўзабаве перад намі паўстала пытанне: на двары сярэдзіна верасня, калі выпусціць птушку, ці здолее яна паляцець і, галоўнае, ці даляціць да Афрыкі? Гэта вам не шпак, які можа і зімаваць застацца. Гэта сапраўдная зязюля, якая зімуе толькі там, дзе заўсёды цёпла і хапае ежы. Але ўсё ж пераважыла такое меркаванне: зязюляў мы адзначалі ў Беларусі і напрыканцы верасня. Таму цяпер дакладна будзе не позна выпусціць і нашу. Тым больш, што надвор'е стаяла амаль летняе, а таму, спадзяваліся мы, усё ў яе будзе добра.

Верасеньскі ранак выдаўся лагодным, ціхім і сонечным. Мы ў апошні раз пакармілі птушку і праз гадзіну вынеслі яе за горад. Зязюля, нібы ўжо адчуваючы сябе на волі, смешна круціла галавой і азірала наваколле. А вось і доўгачаканая свабода! Птушка ўзляцела ў паветра і без роздумаў накіравалася на поўдзень. Што ж, ляці зязюлька, шчаслівай табе дарогі!

Ты, зязюля, ляці, праз Егіпет, Судан, паглядзі на Міжземнае мора.

Пажывí да вясны, упалюй саранчы, параўнай Беларусь з Нгорангора.

Паглядзі на людзей, як палюе пігмей, як жырафы дасталі да неба...

Ну а потым ляці, прычакаўшы вясны, правядзём мы с табой разам лета!

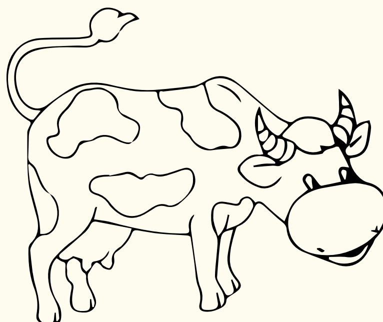
Вясёлая маляванка

Прывітанне, маленькія чытачы!

На гэты раз мы прапануем вам узяць каляровыя алоўкі і размаляваць усіх жывёл, якіх вы бачыце на малюнках. Акрамя гэтага паспрабуйце адказаць на наступныя пытанні:

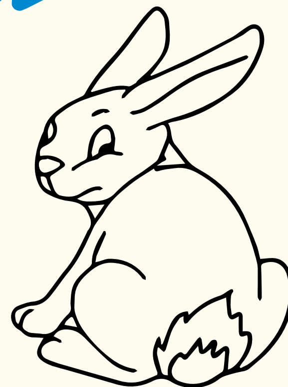
- Чым адметная кожная з гэтых жывёл?
- Дзе яны жывуць?
- Хто з іх сустракаецца ў Беларусі, а хто трапіў на дзіцячую старонку нашага часопіса з далёкіх экзатычных краін?
- Хто з гэтых жывёл дзікі, а хто жыве побач з чалавекам?
- Што яшчэ цікавае вы можаце пра іх расказаць?

А каб вам было зручней разбірацца з усімі пытаннямі, беларускі пісьменнік **Пятро Васючэнка** напісаў пра гэтых жывёл вясёлыя вершыкі.

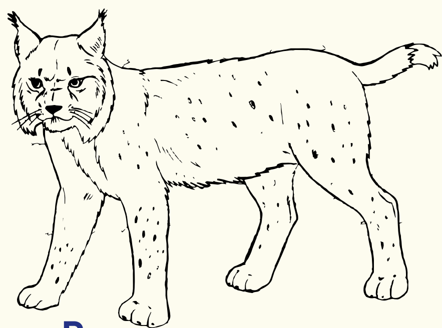
Карова

Навошта створаны каровы?
Каб мы усе былі здаровы,
З'ясі смятанку ці кефір,
І будзеш лёгкі, як зефір.

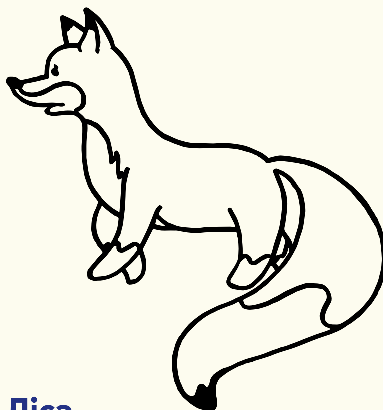
Заяц

Нашто жывуць у свеце зайцы?
Каб іх не крыўдзілі мярзаўцы,
Каб не цягалі іх за вушы,
Каб грызці яблыні ды грушы.

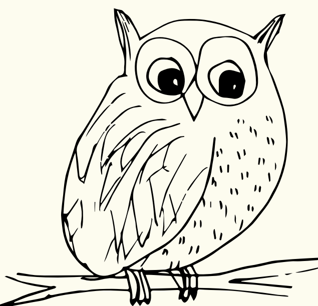
Рысь

Дзеля чаго існуе рысь?
Калі на рысь ты крыкнеш «Брысь!»,
Яна не кінецца ў кусты,
А пабяжыш хавацца ты!

Ліса

Дзеля чаго жыве ліса?
Каб ціха шнырыць па лясах.
Яна за ўсіх звяроў мудрэй:
Цягае гусак і курэй.

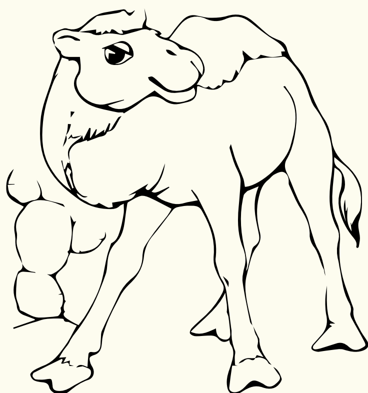
Сава

Навошта створана сава,
Чыя з вушамі галава?
Яна галосіць па начах,
Хаўтуры ладзіць па мышах.

Змяя

Навошта створаны вужакі?
Яны праныры і пужакі,
Яны ядуць мышэй і жаб,
І я не раю іх пужаць.

Вярблюд

Дзеля чаго жывуць вярблюды?
Яны – гарбатыя няўклюды,
Грызуць калючыя кусты,
І не баляць ім жываты.

Вавёрка

Навошта створана вавёрка?
Каб грацыёзнай быць і вёрткай,
Каб мець утульнае жытло,
Арэхаў поўнае дупло.

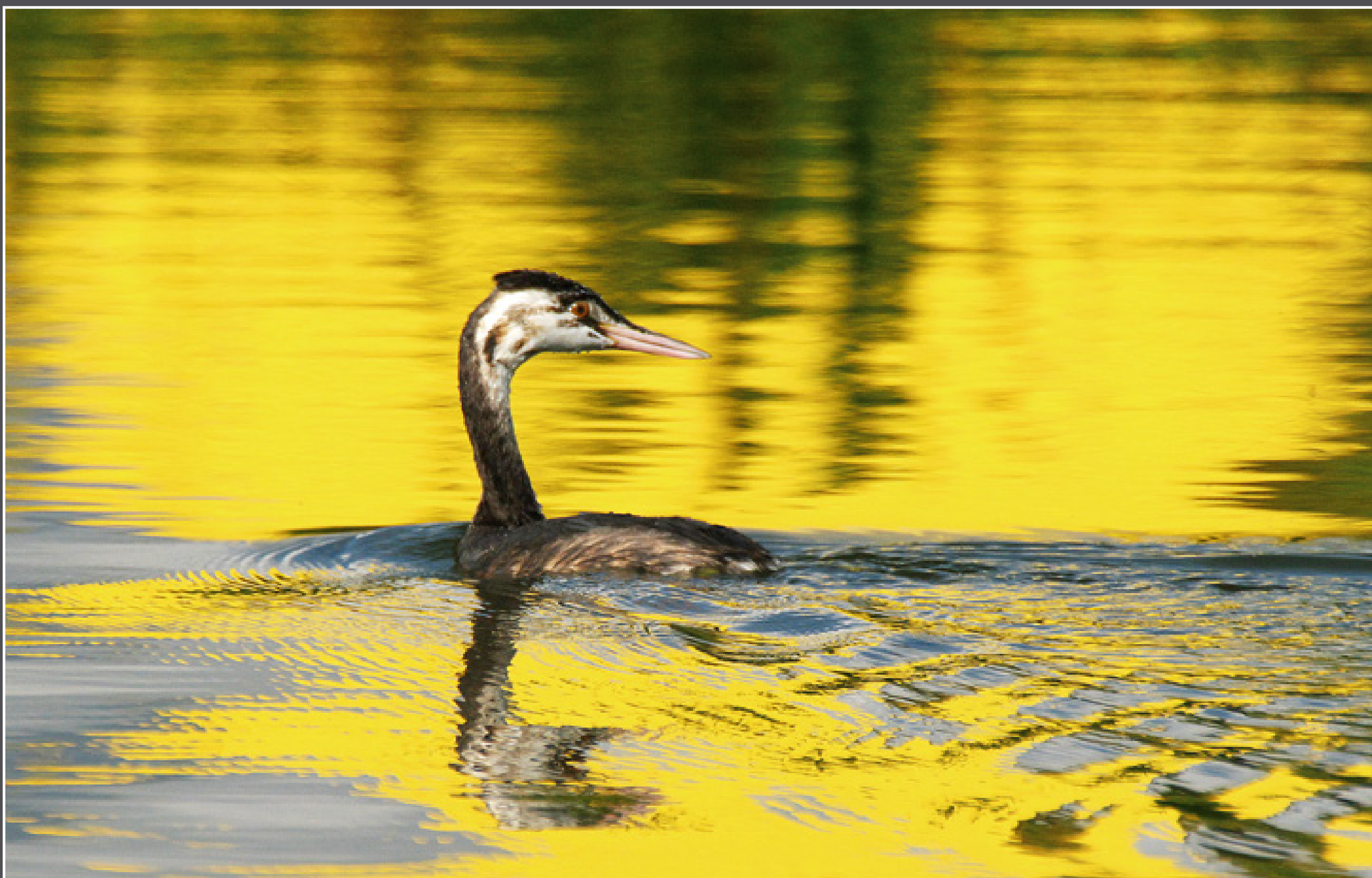
Жабка

Нашто жывуць на свеце жабкі,
Чые ў Парыжы любяць лапкі?
Каб не драмаў чарвяк і вусень
І каб быў сыты дзядзька-бусел.

З д ы м а е   А л я к с а н д р   Э р д м а н

Вадзяны пастушок ***Rallus aquaticus***

Вялікая коўра (маладая) ***Podiceps cristata***

Birdrace – гонка за птушкамі

У верасні 2013 года адбыўся юбілейны, дзесяты, чэмпіянат па спартыўнай арніталогіі. Сёлета ў ім удзельнічала 13 каманд.

Такія чэмпіянаты праходзяць штогод у розных краінах ва ўсіх частках свету. Правілы спаборніцтваў часам адрозніваюцца, але мэта ў іх заўжды адна: за пэўны час убачыць як мага больш відаў птушак. Гонка за птушкамі захапляе шматлікіх аматараў не толькі духам спаборніцтва і магчымасцю стаць першым, але і сваёй непрадказальнасцю: падчас спаборніцтваў здараюцца самыя сапраўдныя арніталагічныя адкрыцці!

У Беларусі Birdrace праходзіць у першую суботу верасня на працягу ўжо дзесяці гадоў. Каманда звычайна складаецца з 4 чалавек, часта ўдзел у гонцы бяруць і замежныя назіральнікі. Найбольшая колькасць відаў, якую на працягу гэтага часу ўдалося адзначыць у 12-часовай гонцы камандзе-пераможцу – 115. Рэкорд сёлетняга чэмпіёна, каманды «Цмокі», аказаўся крыху ніжэйшы за абсалютны – «усяго» 109 відаў. Залішне будзе казаць, што сваю перамогу «Цмокі» (Дзяніс Кіцель, Дзяніс Табуноў, Іван Багдановіч, Дзмітры Харковіч) кавалі ў наваколлі беларускай арніталагічнай Меккі – Турава.

Кожны год у чэмпіянаце бярэ ўдзел усё больш новых каманд, новыя і новыя маладыя назіральнікі за птушкамі спрабуюць сябе ў гэтым незвычайным відзе спорту.

Далучайцеся да нас – цікавыя назіранні, незабыўныя хвіліны і адрэналін у крыві вам гарантаваныя!